

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ: А.А. Зиновьев о Сталине и сталинизме

А.Ф. Киселев, А.В. Лубков

Аннотация. Авторы обращаются к дискуссионному вопросу становления социализма в России и оценкам роли Сталина в строительстве нового общества, не имеющего аналогов в мире. Своей задачей авторы определяют показать многомерность осмысления важнейшего и героического периода в истории. На примере творчества выдающегося мыслителя А.А. Зиновьева авторы открывают возможности для глубокого и всестороннего анализа сталинской эпохи. Антисталинист, который так и не стал сталинистом, А.А. Зиновьев сохранил преемственную линию с русской общественно-политической мыслью, подчеркивающей национальное своеобразие России, вклад государственных и религиозных деятелей в развитие и укрепление государственности. Авторами актуализируются проблемы выживания социалистического общества в мировой истории, роли власти в российской истории как главного инструмента преобразований, отношения народа к задачам мобилизационной экономики, взаимосвязи власти и Церкви, роли личности в истории и др.

Ключевые слова: ленинизм, сталинизм, многомерности социалистического общества, идеологическая революция, культурная революция, оценки А.А. Зиновьева

Для цитирования: Киселев А.Ф., Лубков А.В. Становление социализма в России: А.А. Зиновьев о Сталине и сталинизме // Преподаватель XXI век. 2026. № 3. Часть 2. С. 173–182. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-173-182

173

FORMATION OF SOCIALISM IN RUSSIA: A.A. Zinoviev on Stalin and Stalinism

A.F. Kiselev, A.V. Lubkov

Abstract. The authors address the controversial issue of the formation of socialism in Russia and the assessment of Stalin's role in building a new society that has no analogues in the world. The authors aim to demonstrate the multidimensionality of understanding this crucial and heroic period in history. Using the example of the work of the outstanding thinker A.A. Zinoviev, the authors open up opportunities for a deep and comprehensive analysis of the Stalin era. An anti-Stalinist who

© Киселев А.Ф., Лубков А.В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

never became a Stalinist, A.A. Zinoviev maintained a continuity with Russian socio-political thought, which emphasized Russia's national distinctiveness and the contribution of state and religious figures to the development and strengthening of statehood. The authors bring to the fore the problems of the survival of socialist society in world history, the role of power in Russian history as the main instrument of transformation, the people's attitude towards the tasks of a mobilization economy, the relationship between power and the church, the role of the individual in history, and so on.

Keywords: *Leninism, Stalinism, multidimensionality of socialist society, ideological revolution, cultural revolution, A.A. Zinoviev's assessments*

Cite as: Kiselev A.F., Lubkov A.V. Formation of Socialism in Russia: A.A. Zinoviev on Stalin and Stalinism. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 3, part 2, pp. 173–182. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-173-182

Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) относится к числу самобытных и ярких философов XX — начала XXI в. Его судьба удивительна.

Мальчишка из провинциального захолустья и многодетной крестьянской семьи он достиг высот мыслителя общемирового уровня, пройдя жизненный путь вместе со своей страной и переживший с ней все, что выпало на ее долю. С одной стороны, можно говорить о его таланте, незаурядности и трудолюбии, с другой — о неразрывной связи с русским народом, частью которого он являлся и является. Не случайно, свои мемуары он назвал «Русская судьба» [1].

Вместе с тем это показатель и творческого потенциала, разнохарактерности и многомерности социалистического общества, в котором он жил и формировался как человек и ученый. Можно возразить, что общество отторгло его. Не зря Александр Александрович называл себя «отщепенцем». Однако корни родной страны были настолько глубоки и питательны, что мыслитель и в изгнании не только не потерял духовной связи с Россией, но и укрепил и обогатил ее глубокими и оригинальными суждениями об особенностях исторического пути своего Отечества.

У А.А. Зиновьева свой взгляд на суть социалистического общества, далекий от трафаретов и штампов прошлого и настоящего, односторонних характеристик, окрашенных в тона политической и иной конъюнктуры. Сквозь призму критического отношения к становлению и развитию советского общества, строя, экономики, социальных отношений явственно проступают сопереживания А.А. Зиновьевым тех событий в стране, свидетелем и участником которых он был. Они будили в нем стремление не к односторонним и идеолого-конъюнктурным оценкам, а к поиску истины, которая вбирает в себя многоцветие разнородных, нередко противоположных явлений, событий, фактов и противоречит их черно-белому изображению, что характерно для общественно-политической мысли недавнего прошлого и во многом настоящего.

Такой подход характерен и для оценок А.А. Зиновьевым Сталина, сталинизма и собственно той эпохи, когда во главе страны стоял Иосиф Сталин. О Сталине и сталинизме написаны сотни книг и статей, велись и ведутся острые дискуссии

о сути той эпохи и ее общеисторического значения для страны [2–5]. Однако к этому огромному историко-публицистическому и философскому наследию Зиновьев относится крайне критически.

Для него неприемлемо, во-первых, сведение сути сталинской эпохи исключительно к борьбе за власть, к репрессиям, насилию, порабощению народа и другим явлениям подобного рода [6]. Во-вторых, он подчеркивает, что основное содержание эпохи упускается из виду, тогда как главным остается осмысление сущности общественного организма, который созрел в годы сталинского руководства. Складывался дотоле неизвестный миру социальный строй со своей экономикой, системой власти и управления, идеологией, культурой, образом жизни миллионов людей [1, с. 258–259].

Поэтому характеристики сталинского общества в виде преступного не оправданы. Это не только фальсификация истории, но и чудовищная клевета на нее. Характеристика эпохи, прежде всего, должна отражать суть самой эпохи. Большевики, взяв власть, столкнулись с задачами, которые ранее не стояли и не могли стоять перед властью какой-либо страны прошлого и настоящего. Следует не упускать данное из виду и отдать должное.

Большевики поставили перед собой задачу строительства принципиально нового, не имеющего аналогов общества в мире, в стране с разрушенной войнами экономикой, властью, с нищим и безграмотным населением. Новое общество приходилось строить буквально на руинах бывшей Российской империи. Строительство нового общества сочеталось с решением задачи выживания Советской России во враждебном ей мире, как на внешнем контуре, так и внутри страны.

Именно проблема выживания во многом определяла характер власти, методы управления, экономику, социальную структуру, а не догмы коммунистического учения, которому отдавали должное, но руководствовались решением задач, продиктованных реальной жизнью. Таковы характер национализации, политики «военного коммунизма», перехода к нэпу, индустриализации, коллективизации, культурной революции и др. Эта политика густо и ярко окрашена в тона коммунистической идеологии, но ее суть во многом определялась задачами выживания юного социалистического общества в мировой истории.

Во второй половине 1980-х — 1990-е гг. искали альтернативу сталинизма и видели ее в ленинизме, разделяя периоды молодой советской истории на «ленинский» и «сталинский». Такой подход А.А. Зиновьев считает ошибочным. Он рассматривает ленинизм и сталинизм в качестве единого целого. Зиновьев пишет о Сталине в русле того, что Сталин являлся «Ленином сегодня», продолжателем его дела и в теории, и на практике в деле строительства коммунизма [1, с. 279]. Две фундаментальные идеи Ленина лежали в основе сталинской политики. Первая — борьба с непримиримыми противниками, утверждавшими, что Россия не готова к социалистическим преобразованиям. Ленин настойчиво убеждал, что большевики, взяв власть и опираясь на нее, в состоянии в сжатые сроки доделать то, что не успела история [7]. В этом деле институт государственной власти выступал ключевым инструментом в развитии страны.

Эту идею последовательно на практике реализовывал Сталин. Необходимость индустриального рывка он обосновывал тем, что в условиях трагического периода истории между двумя мировыми войнами советское государство должно напрячь все силы для ликвидации отставания в индустриальном развитии от ведущих капиталистических

стран, готовящихся к агрессии против СССР. Поэтому неслучайно, что данный вопрос стал предметом острых диспутов на XIV съезде партии [8]. Сталин неоднократно подчеркивал риски задержки темпов государственного строительства и важность скорейшего преодоления отставания от передовых стран в течение ближайших десяти лет. «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [9].

Вторая фундаментальная идея Ленина: необходимость опоры государства на творчество и энтузиазм масс [10, с. 171, 184–187, 205–206]. История дала большевикам шанс взять власть потому, что творчеством масс были рождены Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Ленин увидел в них зачатки новой власти, ее фундамент, форму и сущность. Советская власть, подчеркивал Ленин, была рождена творчеством масс, и в этом заключалась ее жизнестойкость и сила.

Именно на творчество и энтузиазм масс опирался Сталин, что во многом было связано с сущностью большевизма. Так, выдающийся русский мыслитель Иван Ильин характеризовал большевизм не как часть коммунистического учения, а как состояние души вовлеченных в революцию масс. Он утверждал, что большевизм — состояние души, а коммунизм — теория, нередко далекая от жизни [11]. Отсюда следует, что строй, сложившийся в Советской России, изначально не мог быть тоталитарным.

Более того, начальный период советской истории А.А. Зиновьев характеризует как народовластие, основанное на состоянии души миллионов людей, рвавшихся к новой, более справедливой и светлой жизни. Народовластие было рождено революцией и как ее неотъемлемая часть. Выходцы из разных слоев населения встали у руля управления молодого государства снизу доверху, «руководитель выглядел народным вождем», вдохновлявшим массы на энтузиазм и всякого рода «почины» [1, с. 264–265].

Народовластие было эффективно в борьбе с нищетой и разрухой, так как втягивало в борьбу миллионы людей, формировало у них новые смыслы и стимулы к жизни. Народовластие решало и проблему выживания, увлекая в созидательный труд эти миллионы, преодолевая их пассивность, усталость, уныние от нищеты и разорения. Вместе с тем наряду с народовластием формировалась и система партийно-государственной власти, что ярко проявилось уже на заре советской власти.

В первые месяцы после революции в экономической сфере ставка делалась на рабчее управление промышленностью через фабзавкомы и профсоюзы. Однако вскоре в связи с созданием Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) акцент был перенесен на государственное управление народным хозяйством. Более того, Ленин признавал, что основная масса рабочего класса не готова к управлению страной и ему предстоит долгий период «учебы коммунизму» через фабзавкомы, профсоюзы и имеющих опыт госуправления буржуазных специалистов [7, с. 29–36; 10, с. 181]. Этим путем шел и Сталин, опираясь на творчество масс и одновременно создавая партийно-государственную систему управления страной [12]. Так, со временем система вождей и активистов, со свойственными им волюнтаризмом, массовым энтузиазмом, насилием, репрессиями и другими атрибутами уступила решающую роль нормативно-законной, партийно-государственной власти [1, с. 266].

С разрухой в основном было покончено. Теперь стояли задачи государственно-планового развития страны, и власть становится главным инструментом социалистических преобразований. Народовластие оказывается излишним и даже опасным для новой власти. Его превратили в «подсобный инструмент» всевластия партийно-государственной

системы, с каждым годом разраставшейся и набиравшей огромную силу. Подчинение народовластию государственной системе управления страной Зиновьев называет «актом самосохранения общества» [1, с. 266].

Действительно, в народовластии существенными были элементы анархии, не-disciplinированности, разброда в решениях тех или иных проблем. На смену шла строгая и жесткая система управления страной, а не исключительно энтузиазм и почин масс. Отсюда переход к партийно-государственным, во многом бюрократическим методам, способам и формам управления огромной страной была не прихотью сталинистов, заботившихся об укреплении собственной власти, а объективной необходимостью.

А.А. Зиновьев пишет о том, что в этих условиях формируется «сверхвласть», контролирующая непосредственно саму систему власти и требующая слаженности ее как единого целого [1, с. 266–267]. Органы госбезопасности становятся связующим вождем и массы инструментом, позволявшим держать «в своих руках аппарат государственной власти» [1, с. 267]. Они пользовались доверием масс, опирались на него, разоблачая «врагов» и внушая, что активно участвуют в защите советского государственного строя, укрепляют и оберегают его, а доноительство является формой народной демократии.

Во многом это была самодеятельность масс, поощряемая свыше. Создавалась видимость народной власти, подлинной демократии, когда «слово народа» не просто слышат наверху, им руководствуются, репрессии осуществлялись под аплодисменты сотен тысяч людей. Поэтому, как считает Зиновьев, искать виноватых только в горстке сталинцев и лично Сталине или в органах госбезопасности является грубой исторической ошибкой [1, с. 269].

В этой связи по-новому, с точки зрения Зиновьева, необходимо рассматривать культ личности Сталина, рождавшийся снизу и укреплявшийся впоследствии сверху. Все преемники Сталина, чьи «культы» создавались и навязывались исключительно властью, не имели серьезной поддержки населения. Зиновьев крайне критически относится к личностям Хрущева, Брежнева и особенно Горбачева.

Политическая революция, возглавляемая Лениным, трансформировалась в социальную при Сталине. В своем позитивном и созидательном содержании она показала беспрецедентный процесс объединения миллионов людей в новую социальную структуру — коммунистический коллектив с новыми взаимоотношениями между людьми. К сожалению, обращает внимание А.А. Зиновьев, этот факт «совершенно выпал из поля внимания всех, кто писал на тему о Сталине и сталинизме» [1, с. 261–262].

Именно социальная революция составляет созидательную суть сталинской эпохи, а не трагедия репрессий, ужасы лагерей и тюрем и др. О них следует помнить, сопереживать сломленным судьбам сотен тысяч людей, не оправдывать и не забывать. Но нельзя сталинскую эпоху сводить исключительно к насилию и крови безвинных людей. Следует учитывать, что в ту эпоху краеугольной была проблема выживания и гибели России, выбора исторического пути.

Социальная революция ликвидировала социальную разобщенность, и социальная структура обрела цельность, фундамент которой составляли трудовые коллективы, организованные, несмотря на различия в роде занятий, по единым принципам. В ходе социальной революции романтика революции в содержании социалистической идеи

уступила место заботам о преобразовании общества в интересах хозяйственного возрождения, социальной стабильности и укрепления государственности. Развитие народного хозяйства с идеей индустриализма подвигло молодежь к увлечению техникой, авиацией, радио, кинематографом. Приземленность, рационализм и прагматизм сочетаются с жадной свержений.

Живое восприятие мира молодыми поколениями вытесняет сухие и абстрактные идеи, которые, впрочем, оставались важной составной частью общественной жизни страны. Индустриализация и коллективизация учреждали не только новые формы народного хозяйства, но и также формы и суть социальной жизни людей. Последнее было не менее важным, чем решение сугубо социально-экономических задач. Общество преобразовывалось снизу доверху и приобретало уникальный в истории облик организации масс, участвующих в этих грандиозных свершениях. На это была нацелена культурная революция, ставшая едва ли не важнейшей частью социалистических преобразований. Культурная революция ответила на запрос в необходимых миллионах образованных и профессионально подготовленных людей. Как пишет А.А. Зиновьев оказалось «легче дать людям хорошее образование, открыть им доступ к вершинам культуры, чем дать им приличное жилье, одежду, пищу». [1, с. 271]. В народе проснулась небывалая тяга к образованию.

Культурная революция шла по направлениям: ликвидация неграмотности населения, создание системы школьного среднего профессионального и высшего образования, а также органов управления образованием, культурно-просветительская деятельность через вновь организованные библиотеки, дома творчества, развитие общедоступных театров и различного рода творческих площадок и др. За короткий срок были подготовлены сотни тысяч специалистов – выходцев из народа, и новая советская интеллигенция сыграла выдающуюся роль в развитии всех сторон советского общества, в том числе военной, что со всей очевидностью продемонстрировала победа СССР над фашистской Германией.

В ходе социалистических преобразований рождался новый тип человека. На это обратили внимание мыслители русского зарубежья. Так, один из выдающихся его представителей Г.П. Федотов (1886–1951) предлагал увидеть в советском человеке «служилого человека XVI века» [13, с. 399]. В его характеристике Г.П. Федотов выделял крепость, физическую и душевную, простоту и цельность, любовь к практическому опыту и знаниям, преданность власти, которая сделала его ответственным хозяином над жизнью, готовность к самопожертвованию и в работе, и в том, чтобы отдать жизнь за коллектив, партию или родину [14, с. 434–435]. Эти качества русского человека стали определяющими в ходе социалистического строительства: терпеть, служить, преодолевать невзгоды и строить ради державы. На них и опирался сталинский режим.

Несмотря на идеологический диктат, наследовались традиции национальной культуры, настолько крепки ее исторические корни. Культурная революция и идеологическая, которую Зиновьев тоже относит к достижениям сталинской эпохи, имели одну цель — сформировать новое сознание и новое мировоззрение советских граждан. Разумеется, задачи культурной революции были гораздо шире задач революции идеологической, но во многом, что касается мировоззрения советских людей, совпадали.

Новая идеология должна была проникнуть во все поры советского общества. Главной проблемой перед партийными идеологами, в большинстве невысокого интеллектуального и образовательного уровня, встала проблема не развития марксизма, а приспособления его к нуждам социалистического строительства, к реальной обработке масс. Зиновьев пишет, что в этом деле выдающуюся роль сыграла работа Сталина «О диалектическом и историческом материализме» [15]. Она была адекватна условиям и потребностям общества, так как делала марксизм общедоступным, а не уделом узкого круга интеллектуалов.

А.А. Зиновьев указывает, что «Сталин обошелся с марксизмом с точки зрения интересов идеологии наилучшим образом», сохранив вроде бы все, но лишив это действенной силы [1, с. 273]. Было выжато из марксистской словесной массы идеологическое ядро. В результате такого «упрощения» марксизма возникла жизненная идеология — целостное социальное явление и неотъемлемый элемент советского образа жизни [1, с. 274]. Зиновьев отмечает выдающуюся роль Сталина в формировании советской идеологии. Он категорически не согласен с теми, кто обвиняет Сталина в примитивности и скудости его теоретических трудов, кто смеется над языком Сталина, забывая, что целая эпоха говорила его языком [1, с. 274]. Его язык был понятен миллионам людей, в чем заключалась сила новой идеологии.

Острой является проблема взаимоотношений идеологии и религии. Без ее решения идеологическая революция в стране с тысячелетними религиозными традициями и большинством верующих в составе населения была невозможна. Тем не менее большевикам удалось нанести религии сокрушительный удар, и это стало являть в значительной мере не по «злой» воле власти, а в силу того, что сами массы после революции кинулись в безбожие [1, с. 275].

Сыграл свою роль ряд факторов. Во-первых, миллионы людей участвовали в сломе старого мира, а религия и Церковь были его составными и весьма существенными частями. Во-вторых, со времен Петра I Церковь подверглась огосударствлению и была составной частью политической системы самодержавия, крах которого неизбежно сопровождался и крахом огосударственной Церкви, а вместе с ней и религии. В-третьих, официально Церковь уживалась и сотрудничала с властью Советов, которую признал патриарх Тихон. Он отказался даже заочно благословить действия белогвардейских войск.

Патриарх Тихон заявлял, что «установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа», канонические правила Церкви не позволяют служителям вмешиваться в политическую жизнь страны [16, с. 194–196]. Церковь была призвана жить в атеистическом государстве и не потерять в нем своей святости. Эту задачу Русская православная церковь решила. Но битву за души и умы масс населения выиграла коммунистическая идеология, занявшая в обществе то место, какое до революции занимала религия [1, с. 276]. Как говорится, «Свято место пусто не бывает».

Этот поворот к идеологии как религии был далеко не мирным. Десятки тысяч священников были репрессированы и впоследствии причислены к сонму «новомучеников», коими они и являлись. Сотни храмов разрушены, разграблены, превращены в склады и т. п. Удар был беспрецедентный. Вместе с тем прав Зиновьев, что он стал возможен при пассивности, а нередко и активности масс в разрушении Церкви. Народу предлагали Царство божие не в загробном мире, а построить его здесь, на бренной и грешной земле. Призыв во многом был услышан...

Поворот к сотрудничеству Церкви и государства произошел во многом в годы Великой Отечественной войны. 4 сентября 1943 г. состоялась знаменитая встреча Сталина с православными иерархами (митрополитами Сергием, Алексием и Николаем). Результаты превзошли все ожидания. В итоге 8 сентября состоялся созыв Архиерейского собора и выборы патриарха. Возобновил свою деятельность Священный синод. Был образован Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР, которому отводилась роль посредника между правительством и Церковью. Во главе его был поставлен генерал-майор госбезопасности Георгий Карпов, который многое сделал для нормализации отношений Церкви и государства. Для подготовки кадров священнослужителей вновь открывались духовные академии и семинарии. Церковь получила право печати и издания литературы.

Сталин вновь проявил себя как политик, руководствующийся не столько коммунистическими догмами, сколько интересами страны, населения и историческими традициями. Зиновьев пишет, что сталинская эпоха была великой по масштабам событий и мероприятий. «Страна превращалась в единый социальный организм в муках и с потерями, но в муках грандиозных и с потерями грандиозными. И с результатами грандиозными. Страна стала коммунистической, выстояла в годы великого строительства и великого террора, победила в беспрецедентной в истории войне, вынесла послевоенные трудности. И все это было связано с именем Сталина. Хрущевский “переворот”, сыграв свою историческую роль, вместе с тем унизил и опошил самый великий период советской истории» [1, с. 278]. И эти слова написал мыслитель, который относил себя к антисталинистам, но для него истина была важнее идеологических и политических пристрастий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиновьев А.А. Русская судьба. Исповедь отщепенца (Я есть государство). М.: Изд. дом «Канон Плюс» имени А. Зиновьева, 2026. 680 с.
2. Историография сталинизма: сб. ст. / рук. А.И. Зевелев, В.Э. Багдасарян, под ред. Н.А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007. 478 с.
3. Степанов М.Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан: Бригантина, 2008. 159 с.
4. Казьмина М.В. Отечественная историография второй половины 1980-х годов — начала XXI века о политической и социально-экономической модели развития СССР 1920-х годов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. 200 с.
5. Спецпроект «Вопросы сталинизма». URL: <https://zavtra.ru/> (дата обращения: 17.08.2026).
6. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: опыт художественного исследования: в 3 т. М.: Вагриус, 2008.
7. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 41. С. 1–104.
8. Стенографический отчет. XIV съезд ВКП(б). 18–31 декабря 1925 г. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 1029 с.
9. Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 16 с.

10. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 36. С. 165–208.
11. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 7. 603 с.
12. Сталин И.В. Речь на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. М.: Молодая гвардия, 1928. 15 с.
13. Киселев А.Ф., Лубков А.В. Национальная идея. М.: Вече, 2024. 624 с.
14. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи. М.: ДАРЪ, 2005. 493 с.
15. Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме. М.: Госполитиздат, 1945. 36 с.
16. Митрофанов Г., протоиерей. История Русской православной церкви. 1900–1927. СПб.: Сатисъ, 2002. 443 с.

REFERENCES

1. Zinoviev A.A. *Russkaya sudba. Ispoved otshhepencza (Ya est gosudarstvo)* [Russian Fate. Confession of a Renegade (I Am the State)], Moscow, Publishing House “Canon Plus” named after A. Zinoviev, 2026, 680 p. (in Russ.)
2. *Istoriografiya stalinizma: sbornik statej* [Historiography of Stalinism: A Collection of Articles], ed. by A.I. Zevelev, V.E. Bagdasaryan, N.A. Simonov, Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, 478 p. (in Russ.)
3. Stepanov M.G. *Rossijskaya istoriografiya “bolshogo terrora” v SSSR (1937–1938 gg.)* [Russian Historiography of the “Great Terror” in the USSR (1937–1938)], Abakan, Brigantina Publ., 2008, 159 p. (in Russ.)
4. Kazmina M.V. *Otechestvennaya istoriografiya vtoroj poloviny 1980-x godov — nachala XXI veka o politicheskoy i socialno-ekonomicheskoy modeli razvitiya SSSR 1920-x godov* [Russian Historiography of the Second Half of the 1980s — Early 21st Century on the Political and Socio-Economic Model of the USSR’s Development in the 1920s], Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2009, 200 p. (in Russ.)
5. *Speczproekt “Voprosy stalinizma”* [Special Project “Issues of Stalinism”], URL: <https://zavtra.ru/> (date of access: 17.08.2026).
6. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG, 1918–1956: opyt khudozhestvennogo issledovaniya* [The Gulag Archipelago, 1918–1956: An Attempt of an Artistic Study], In 3 vols, Moscow, Vagrius Publ., 2008. (in Russ.)
7. Lenin V.I. *Detskaya bolezn levizny v kommunizme* [The “Left Deviation” Disease in Communism], *Polnoe sobranie sochinenij* = The Complete Works, in 55 vols, 5-e izd., Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 41, pp. 1–104. (in Russ.)
8. *Stenograficheskij otchet. XIV sjezd VKP(b). 18–31 dekabrya 1925 g.* [Verbatim Report. The 14th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). December 18–31, 1925], Moscow, Leningrad, State Publishing House, 1926, 1029 p. (in Russ.)
9. Stalin I.V. *O zadachakh khozyajstvennikov. Rech na pervoj Vsesoyuznoj konferencii rabotnikov socialisticheskoy promyshlennosti 4 fevralya 1931 g.* [On the Tasks of Economic Managers. Speech at the First All-Union Conference of Workers in Socialist Industry, February 4, 1931], Moscow, Leningrad, Mosk. rabochiy Publ., 1931, 16 p. (in Russ.)
10. Lenin V.I. *Ocherednyje zadachi Sovetskoj vlasti* [The Immediate Tasks of the Soviet Government], *Polnoe sobranie sochinenij* = The Complete Works, in 55 vols, 5-e izd., Moscow, Politizdat Publ., 1969, vol. 36, pp. 165–208. (in Russ.)

11. Ilyin I.A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works], in 10 vols, Moscow, Russkaya kniga Publ., 1998, vol. 7, 603 p. (in Russ.)
12. Stalin I.V. *Rech na VIII Vsesoyuznom sjezde VLKSM 16 maya 1928 g* [Speech at the 8th All-Union Congress of the Komsomol on May 16, 1928], Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1928, 15 p. (in Russ.)
13. Kiselev A.F., Lubkov A.V. *Nacionalnaya ideya* [The National Idea], Moscow, Veche Publ., 2024, 624 p. (in Russ.)
14. Fedotov G.P. *Sudba i grekhi Rossii. Izbrannye statji* [The Fate and Sins of Russia. Selected Articles], Moscow, DAR Publ., 2005, 493 p. (in Russ.)
15. Stalin I.V. *O dialekticheskom i istoricheskom materializme* [On Dialectical and Historical Materialism], Moscow, Gospolitizdat Publ., 1945, 36 p. (in Russ.)
16. Mitrofanov G., archpriest. *Istoriya Russkoj pravoslavnoj cerkvi. 1900 — 1927* [History of the Russian Orthodox Church. 1900–1927], St Petersburg, Satis Publ., 2002, 443 p. (in Russ.)

Киселев Александр Федотович, академик РАО, доктор исторических наук, профессор, председатель Попечительского совета, Московский педагогический государственный университет, ksoviet@gmail.com

Alexander F. Kiselev, Academician, Russian Academy of Education, ScD in History Hab., Full Professor, Chairman, Board of Trustees, Moscow Pedagogical State University, ksoviet@gmail.com

Лубков Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, академик РАО, ректор, Московский педагогический государственный университет, av.lubkov@mpgu.su

Alexei V. Lubkov, ScD in History Hab., Full Professor, Rector, Member, Presidential Council for Civil Society Development and Human Rights, Academician, Russian Academy of Education, Moscow Pedagogical State University, av.lubkov@mpgu.su